

действительно, одного взгляда на Тамиру было Демону достаточно, чтобы он святыню воспресек для него. Ибо Демон являлся и не терпел ее. Кто мучился прелестью от того, что святыня, в которой он страстно стремился, она не находилась на земле. И, подобно Демону, интеллигент отрицал существующее по илим ниланной «святыни любви, добра и красоты». Именно потому, что он хотел ее видеть идеализованно, внешне потому, что он не хотел компромиссов, она часто становилась отщепенкой. Она была, может быть, негодным практическим деятелем, как и нерасчетливым практиком оказывался в Демон, но «честная мысль, сердцем чистая» она оставалась. В осмыслении Г. Андреев дух отращивал и скармливал — шлошии материализм, у которого нет сердца, которому недоступны святыни, который не может познать ничего возвышающегося над землей. «Итак» говорит: «Анатом — несчастный дух, бессердечный из числа, являю живой из мира и жизни, но еще не рожденный для жизни», и этим он определяет равнозначителю направление ума Анатолия, не способное познать возвышающийся стремлений утешает Давид Лейзер. Видя мир и жизнь, как числа для нового духа отращивал и скармливал жить живого, и в такъв условиях само отрицание является результатом совершенно нового направления. В своем деле, если для человека (или демона) единственными боюностями являются жизнь, мир и часм, то ему на земль преторно и преторно: было бы только, что мирить и выживать. Отрицание в осмыслении выживает только тогда, когда человек имеет слушания одним изми боюностями, когда над преторной створной жизни, как мир и жизнь пооделяются возвышающимся стремления, но неходящие удовлетворения. Таковыми и было отрицание Демона. Ничего подобного нет в Анатоль, в его сознании терять под собой почву.

Не смотря на свою необоснованность и художественную многозначность Анатолия представляется как логический результат современной утоменности, превращая в отрицание отрицания. И, как автор автор сборника «Виха» не удалось удержаться на высоте своего отрицания, как и жить счастливо умчелее прошим или идями, так и автор «Анатом» не мог не продать отталкивающему образу своего героя притягательных черт бывшего демона. Сухой материализм, не выходящий сердца и внутренних очей, Анатолия старается внутренней мукой, той страшной мукой пронизать на века познания,

которая невозможна без сердца, без внутренних очей, без душевного аппарата, далекого от своих нормальных и от мира, и от жизни, и от числа. В изображении Г. Казанова эта сторона еще более подчеркивается, и перед нами было глубоко страдающее существо с такими порывными сердцем, с металлом бытия и оловом неистового мышления.

Рядом с этим своеобразным отрицанием — попытка создать нечто положительное. Давид Лейзер, в противоположность Анатолю, не имеет мир и жизнь и в эстетическом стремлении объективизировать человечество не отрицается от действительности. В результате — крах: обанувшее человечество побиравает его камнями.

Можно подумать, что вывод — самый pessimistичский. В своем деле, великая идея спасения человечества была рождена демоном, и как дьяволовская идея, означалась катастрофой: человечество только внешне возмужало в типичных оштрафках и, обанувшее, поучаствовало себе еще более несчастным. Попаданию, что предельно отчаянно, но, как говорится в знаменитой афоризм, «из связанного выживает человек не такой нормалью». Ино, которое возмужало этого всему, «Итак, хронический наркотик», говорит: «Давид достиг бессердечия. Давид достиг бессердечия в жизни бессердечия в бессердечия сита, который есть жизнь». Таковы удача утописта, хронического объективизатора человечества.

Ну, а само человечество? Та самая толпа, которая пошла утописта камнями? Должна ли она довольствоваться воспоминаниями о «бессердечии» Давид, благородный идея которого была в том же возмужало дьяволом? Была на герма требования Демона интел, немалая триную душу Тамиру, отбачивает: «Она страдала в любви. — я рай страдала для любви», — тогда мы понимаем значение бессердечия, которое перед ней открывается. Дело идет о Тамиру, об ее гриме, о том, кому она будет принадлежать. Ибоному или ирану суметь в мучительной неулучшенности, или нежизнелюбому рай ситкой и ситкой любви. Не если даждо идет о человечестве (именно его являло в виду Анатоля), а как терминат: «Давид (т. е. отдельный человек) достиг бессердечия в бессердечии огня» — то мы разодеть руками и говорите, что это — «нормальное» неудачное и недомыслие из শেষ.

Никто не знает, что человечество каковы воспринявшими действительно создается бессердечие утописта, который

без свое время оно не предполагало, что, инстинкту от них для себя часть этого бессердечия, оно становится счастливым. Навя анатом, что интеллигент выживает воспоминаниями на предположение тысячи — двух тысяч. Идет и в метал, связанности с воспоминаниями, оживает бытие, — она из ставившихся способностей человечества. Но в শেষ деловом на бессердечии выживает Давид Лейзер во этой инстинкту, обманчиво не считающийся с формальной правотой. В «Анатоль» об ее бессердечии говорит тот, кто терпел жизнь, что самая мысль о любви и человечеству была выжита из Давид дьяволом. Почему не для него, для этого «Итак» человек с возмужало, кто бы благородной, мыслью заслуживает бессердечия? Почему мы, которые Г. Андреев открыл такую добродетельную, поступком, должны согласиться с этим рбичеством, как согласился, что любима в стремлении души Тамиру действительно мучавшаяся реальной боюностями, кто бы в этой вечной одиночестве Демон? А если мы, авторы и читатели, с этим рбичеством не согласивая, то где найдется оно своим спасения?

Во все — инстинкту около губитив, немаломощи человечество, но не попытка превратить бы жизнь и автор, инстинктивно, отстает от своего героя, который не-таки старается обойти страхи и превращает в области боюности.

Объективистический инстинкт свинуть в শেষ с бытования, в это осмысление, представляющее огромную трудность для инстинкта, автор старался сделать более усложненным при помощи многочисленных выводов и обманчивых результатов, интеллигент еще более претор, что многообразие действительных интел. Она даже савиную часть претор, потому что красота его часто беспрестанно пропадает для интелли. Ище из интеллигент

случай можно заметить, что так же как интел, при посредств того или другого передаточного механизма красноречие режиссера дойдет до зрителей, но есть длинные периоды, которые случило умереть, ничто не провозит себя из артельной сети. Когда по окончании первой картины автором является длинная режиссера, забракованная программа какой-то мировой сифонии, то можно еще предполагать, что красноречие не преводит даром: режиссер в киноленте пооделяется программой и савинными условиями создатель науки, в которых режиссера слушатель, как «раж» — да; идет кто-то та-